

«МАЛОРОССИЙСКИЙ» РАЙ:
СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ
КАК ПАСТОРАЛЬНАЯ ДИСТОПИЯ

ДЕНИС ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия имени Тараса Шевченко,
кафедра иностранных языков и методики их преподавания
проулок Лицейный, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47003, Украина
e-mail: denyschuk@ukr.net

ОЛЬГА ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия имени Тараса Шевченко,
кафедра иностранных языков и методики их преподавания
проулок Лицейный, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47003, Украина
e-mail: olga_chyk@meta.ua
(получено 16.08.2017; принято 9.09.2017)

Abstract

**“Little Russian” Paradise and Hell:
Nikolai Gogol’s *The Old-World Landowners* as a Pastoral Dystopia**

The article considers the genre specificity of Nikolai Gogol’s short story *The Old-World Landowners* (*Starosvyetskiye pomeshchiki*) (1835), which refers to the so-called Ukrainian stories. The genre features of the work are analyzed, which give grounds to consider it as a dystopia: the danger of possible mankind degeneration due to rejection of philanthropy and infatuation with material values; the presence of the topii of two worlds – “ideal” and imperfect. Gogol successfully changed the established literary stereotypes in Russian literature by means of *Evenings on a Farm near Dikanka* (*Vechera na hutore bliz Dikanki*) and *Mirgorod* – by his own utopian project, which turned into

a real pastoral anti-utopia. The death of the main characters symbolizes the collapse of the illusory, lucrative and exemplary economy of the Cossack officers who received the noble rights in the Russian Empire and were fully integrated into the imperial upper circles. The story *The Old-World Landowners* by Gogol is the image of a terminated Cossack epoch and the creation of a new – total integration of Little Russian nobles into the “body” of the Russian Empire of the XIX century.

Key words

Short story, dystopia, the pastoral, farm topos, Little Russia, Ukraine, the Russian Empire.

Резюме

В статье рассматривается жанровая специфика повести Николая Гоголя *Старосветские помещики* (1835), которая относится к так называемым украинским повестям. Авторы анализируют жанровые черты произведения, дающие основания рассматривать его как дистопию – опасность возможной дегенерации человечества из-за отказа от человеколюбия и увлечение материальными ценностями, наличие топосов двух миров – «идеального» и несовершенного, система аллюзий на пасторальную идиллию русской литературы первых десятилетий XIX века; разрыв с прежней казацкой историей; замкнутая и цикличная жизнь за запрограммированными схемами. Гоголь успешно изменил устоявшиеся в русской литературе литературные стереотипы посредством *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и *Миргорода* собственным утопическим проектом, который превратился в отдельных произведениях в настоящую пасторальную дистопию. Смерть главных персонажей символизирует крах иллюзорно прибыльного и образцового хозяйства казацкой старшины, которая получила дворянские права в Российской империи и полностью интегрировалась в имперские высшие круги. Повесть *Старосветские помещики* Гоголя является образом завершенной эпохи казачества и создания новой – тотальной интеграции малороссийских дворян в «тело» Российской империи XIX века.

Ключевые слова

Повесть, дистопия, пастораль, тоpos хутора, Малороссия, Украина, Российская империя.

Николай Гоголь относится к тем двойственным писателям, творчество которых постоянно провоцирует и будет провоцировать появление новых и новых исследований, часто противоречащих друг другу. Особенно показательными являются труды, касающиеся изображения национального характера в произ-

ведениях писателя, «количества» и «качества» «российского» и «украинского» в них, принципов взаимодействия различных типов патриотизма – имперского, национального, регионального – на уровне поэтики отдельных произведений и в творчестве в целом. Полифония смыслов в текстах Гоголя дает все основания для огромного количества разночтений, продуцируемых в зависимости от ракурсов их толкований творчества писателя: как украинского автора, который самостоятельно развивал собственное направление в русской литературе, став настоящим духовным «отцом» для российских писателей; или как русского писателя, творчество которого немыслимо без рассмотрения его в контексте современной ему русской литературы, к становлению и развитию которой он имел непосредственное отношение. Продуктивным считаем подход современных гоголеведов Юрия Барабаша, Эдиты Бояновской, Владимира Звиняцкого, которые анализируют творчество Гоголя как принадлежащее к украинской, так и к российской литературе, что является примером гибридного типа национального наследия.

В такой плоскости рассмотрим жанровую специфику повести Гоголя *Старосветские помещики* (1835), которая относится к так называемым украинским повестям. Как известно, это произведение было включено в сборник *Миргород*. Повесть *Старосветские помещики* проанализируем как элемент уникального авторского проекта антиутопического цикла, к которому можно причислить также повести *Иван Федорович Шпонька и его тетушка* (1832) и *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* (1834). Попробуем обосновать тезис, что повесть Гоголя можно отнести к прообразу дистопии – особого типа антиутопии, которая демонстрирует негативные последствия реализации определенного утопического проекта.

Антиутопии в европейских литературах окончательно сформировались в отдельный жанр в XX веке, хотя отдельные черты антиутопии наблюдаются еще в произведениях Джонатана Свифта и Жюль Верна (исследователи Б. Ланин, Н. Ковтун, Г. Морсон, С. Никольский, О. Филенко, В. Чаликова считают антиутопиями, прежде всего, произведения Герберта Уэллса, Карела Чапека, Евгения Замятина, Михаила Булгакова, Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла и др.). Исследователь антиутопии С. Никольский подчеркивает, что толчком к появлению антиутопий стало фокусирование внимания ученых, политиков и представителей искусства на возможных катаклизмах, которые угрожали человечеству техногенными, экологическими, антигуманистическими потрясениями. По мнению указанных писателей, вероятные катастрофы могли стать следствием человеческой духовной слепоты, которая фатально скрывает опасности, тающиеся в научно-техническом прогрессе и насильственном внедрении антигуманных идеологий тоталитаризма вроде марксизма, сталинизма или национал-социализма¹. Для Гоголя опасность возможной дегенерации человечества пробуждал отход от человеколюбия и увлечение материальными ценностями. Этот процесс он впервые рассмотрел под специфическими углами зрения: из

¹ С.В. Никольский. *Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009, с. 6.

Петербурга он анализирует историю и современность родной Украины как имперской провинции, а российскую повседневность *Мертвых душ* препарировывает также с расстояния – пребывая в Швейцарии, Франции и Италии. В абсолютном большинстве его произведений мы видим актуализацию тем, которые так или иначе связаны с критикой ухода от человеческих ценностей – семейных, национальных, христианских.

О. Филенко жанровой чертой антиутопии считает наличие топосов двух миров – идеального (в котором живут персонажи) и некоего другого, который провозглашен несовершенным. В идеальном мире прошлое находится под запретом – в его топосе царит только современность². В повести *Старосветские помещики* Гоголя мы проследим как прошлое – вторая половина XVIII века – находится под табу, а современность – первые десятилетия XIX века – выстраивает псевдоидеальный и квази-идиллический мир украинского дворянского поместья, которое зиждется на ложных антидуховных идеалах. На разделение пространства в повести на два мира указывал Юрий Лотман, проанализировав обособленность двух топосов через систему препятствий и границ, а также констатируя ахронность закрытого пространства помещичьего хутора³.

Современный американский славист Гарри Сол Морсон подчеркивает, что антиутопия – это антижанр, в котором сохраняется литературная традиция насмехаться над жанром, и поэтому антиутопическое произведение часто не дублирует в инверсированном виде спародированный жанр, а создает систему аллюзий на него. В антиутопии высмеивается не конкретное произведение, а жанр в целом⁴. По нашему убеждению, повесть *Старосветские помещики* является именно такой системой аллюзий на пасторальную идиллию русской литературы первых десятилетий XIX века, в которой идеальная Малороссия изображалась как благословенная и экзотическая окраина Российской империи.

Еще современники Гоголя прочитывали в повести *Старосветские помещики* идиллию⁵, которая якобы представляла сентиментальное и отчасти наивное восхищение автора спокойным существованием на украинском хуторе, неспешной текучестью жизни старых и одиноких супругов и воплощала образец взаимной любви и чувствительной преданности. Почти все исследователи творчества писателя указывали также на то, что жанром повести является идиллия, которая демонстрирует фиктивный, камерный, обреченный на угасание мир

² О. Филенко. «Покоряя пространство и время...» (Роман Е.И. Замятина «Мы» и его роль в становлении жанра антиутопии). «Русский язык и литература в учебных заведениях» 2004, № 2, с. 38–51.

³ Ю.М. Лотман. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. [В:] Ю.М. Лотман. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн: Александра, 1993, с. 428.

⁴ Г. Морсон. *Границы жанра*. [В:] *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1991, с. 233–234.

⁵ А.С. Пушкин. «Вечера на хуторе близ диканьки». Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли. [Рецензия]. [В:] А.С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. 7: *Критика и публицистика*. Ленинград: Наука, 1978, с. 237.

(следует упомянуть наиболее важные имена – Нестор Котляревский⁶, Дмитрий Овсяннико-Куликовский⁷, Виктор Виноградов⁸, Василий Гиппиус⁹, Михаил Бахтин¹⁰, Эмма Жилякова¹¹, Арнольд Слюсарь¹², Иван Есаулов¹³, Аркадий Гольденберг¹⁴ и др.).

Замкнутость пасторального мира идиллии, в котором находятся персонажи – Афанасий Иванович Товстогуб и его жена Пульхерия Ивановна, должна бы, согласно законам жанра, указывать на их единение с природой, предусматривающее гармоничность в отношениях с природной средой, утешение и радость от созерцания природных образов. И действительно, Гоголь прямо свидетельствует, что если бы надлежало написать современных Филемона и Бавкиду, он, не задумываясь, изобразил бы на полотне эту пару¹⁵. Чета из античного мифа действительно стала архетипным образцом гостеприимных пожилых супругов, ублажающих гостей (они готовы зарезать единственного гуся для богов Зевса и Гермеса, зашедших к ним в образе обычных путешественников). Исключительное гостеприимство и радушие Филемона и Бавкиды были щедро вознаграждены Зевсом: их бедная хижина превратилась в величественный храм, а супруги стали жрецами, долгие годы служили в храме и умерли в один день, превратившись в деревья с одним корнем¹⁶. Свою популярность миф получил благодаря европейским изданиям, переводам и адаптациям поэмы *Metamorphoses* древнеримского поэта Овидия. Правда, Гоголь травестировал в своем произведении этот миф, как в свое время Котляревский талантливо травестировал эпическую

⁶ Н.А. Котляревский. *Николай Васильевич Гоголь, 1829-1842: Очерк из истории русской повести и драмы Нестора Котляревского*. 2-е испр. изд. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908, с. 236.

⁷ Д. Овсяннико-Куликовский. *Н. Гоголь в его произведениях: К столетию рожд. великого писателя. 1809-1909*. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1909, с. 22–23.

⁸ В.В. Виноградов. *Н. В. Гоголь*. [В:] В.В. Виноградов. *Поэтика русской литературы: Избранные труды*. Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. Москва: Наука, 1976, с. 218.

⁹ В. Гиппиус. *Гоголь*. [В:] В. Гиппиус. *Гоголь*; В. Зеньковский. *Н. В. Гоголь*. Предисл. и сост. Л. Аллена. Санкт-Петербург: Logos, 1994, с. 70.

¹⁰ М.М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* [В:] М.М. Бахтин. *Собрание сочинений*. Москва: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3: «Теория романа» (1930–1961). 2012, с. 475.

¹¹ Э.М. Жилякова. *Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849)*. Томск: Издательство Томского университета, 1989, с. 99, 107–108.

¹² А.А. Слюсарь. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя*. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 19.

¹³ И.А. Есаулов. *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995, с. 22–41.

¹⁴ А.Х. Гольденберг. *Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя*. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007, с. 50.

¹⁵ Н.В. Гоголь. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 7.

¹⁶ [М. Ботвинник]. *Филемон и Бавкида*. [В:] *Мифологический словарь*. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 573.

поэму *Aenēis* Вергилия. И если Котляревский при этом использовал опыт ранней, но менее известной ироикомиической поэмы *Виргилиева Энеида, вывороченная наизнанку* (1791, 1794, 1796) Н. Осипова, то Н. Гоголь использовал схему вольного перевода на русский язык поэмы *Philemon et Baucis* Ж. де ла Фонтена (1693), сделанный И. В. Дмитриевым в 1805 году. В поэме резко критикуется стяжательство чинов и богатств, восхваляется буколическое единение с природой, а любовь Филемона и Бавкиды противопоставляется разврату их земляков:

Ни злато, ни чины ко счастью не ведут:
 Что в них, когда со мной заботы век живут?
 Когда дух зависти, несчастным овладея,
 Терзает грудь его, как вран у Промефея?
 Ах, это сущий ад! Где ж счастье наконец?
 В укромной хижине: живущий в ней мудрец
 Укрыт от гроз и бурь, спокоен, духом волен,
 Не алча лишнего, и тем, что есть, доволен;
 Захочет ли за луг, за тень своих лесов
 Тень только счастья купить временщиков?
 Нет! суетный их блеск его не обольщает:
 Он ясно на челе страдальцев сих читает,
 Что даром не дает фортуна ничего.
 Придет ли к цели он теченья своего,
 Смерть в ужас и тоску души его не вводит:
 То солнце после дня прекрасного заходит¹⁷.

После чудесного превращения супругов, деревья становятся культовым местом поклонения любящих сердец. Гоголь отбрасывает образцовый пример любящей четы и вместо воспевания любви на фоне великолепной природы, рассматривает такую любовь как привычку:

«Боже! — думал я, глядя на него, — пять лет всё истребляющего времени — старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов — и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихрь наших желаний и кипящих страстей — есть только следствие нашего яркого возраста и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны?» Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки¹⁸.

Кроме того, пафос гостеприимства и взаимного уважения в повести безжалостно занижен в бурлескном стиле.

Интерпретация древнегреческого мифа в повести *Старосветские помещики* кажется идиллией на новый лад, изображающая настоящую и неподдельную

¹⁷ И.И. Дмитриев. *Филемон и Бавкида. Вольный перевод из Лафонтена*. [В:] И.И. Дмитриев. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1967, с. 150.

¹⁸ Н.В. Гоголь. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 22.

историю украинских хуторов и их владельцев, которую автор знал по собственному биографическому опыту. Даже особый тип хронотопа якобы указывает на то, что перед нами идиллия: закрытый топос хутора, который живет спокойной жизнью, а течение этого размеренного жизненного темпа не способен нарушить ни один внешний раздражитель. Исследователи часто отмечали закрытость поместья Товстогузов, подчеркивая, что хуторянское уединение было характерной особенностью тогдашней Украины; это было известно Гоголю, и он даже видел в этом причину промышленного и экономического отставания родины¹⁹. Впрочем, уединение и упадок хозяйств старосветских помещиков писатель объясняет в первую очередь не экономическими, а духовно-культурными причинами.

По нашему мнению, при анализе специфики закрытого топоса идиллии в повести *Старосветские помещики* следует принимать во внимание выразительный идеологический подтекст. Как замечает автор, дорогие его сердцу и памяти помещики (которые на момент написания текста уже умерли) противопоставляются его землякам, которые пытаются пробиться в имперской столице:

«По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*. Нет, они не были похожи на этих презренных и жалких творений, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии»²⁰.

Итак, эта резкая критика адресована не только вчерашним негодьям, а прежде всего – в качестве разъяснения – петербургским читателям, которые должны отныне понимать: украинцы, успешно делающие карьеру в столице, отличаются от «других» украинцев – представителей старинных казацких семей, которые до сих пор составляли сердцевину украинской нации. «Низкие малороссияне» не только готовы нажиться на своих земляках, но и для осуществления своих амбициозных целей интегрируются в чужое общество, с легкостью меняя фамилию и отказываясь от собственной национальной идентичности. Таким образом, рассказчик представляет свое повествование как некую апологию в защиту украинцев от определенных негативных стереотипов. В конце концов, автор – как украинский писатель, который также приехал в столицу завоевывать имперский литературный Олимп, – защищает и себя, отделяясь от земляков, которые имели наглость искать лучшей жизни и состояния в Петербурге, не обладая при этом благородным происхождением. Как известно, сам Гоголь принадлежал к старинной казацкой семье Гоголей-Яновских – его предками по отцовской и материнской линиям были наказной гетман Правобережной Украины Остап Гоголь, полковой писарь Миргородского полка Опанас Гоголь, казацкие старшины Забилы, Косяровские, Лизогубы, Палии, Танские,

¹⁹ Там же, с. 322.

²⁰ Там же, с. 6.

Трощинские, которые в разное время занимали высокие должности в казацкой иерархии²¹.

В начале XIX века в русской литературе была апробирована и распространена мифологическая модель Малороссии – богатого и цветущего края, в котором проживает идиллический народ со славной историей, интерпретируемой отныне как общая, ведь народ этот исповедует общую с россиянами религию – православное христианство. В произведениях ряда литературных травелогов Дмитрия Н. Бантыш-Каменского, Андрея Г. Глаголева, Ивана М. Долгорукого, Владимира В. Измайлова, Алексея И. Левшина, Павла И. Сумарокова, Петра И. Шаликова и других Российская империя выступала цивилизованным государством с мудрыми правителями, которые несли просвещение на колонизированные земли (например, заменяя природные законы Запорожской Сечи на имперские уставы), восстанавливая и преумножая их богатства. Роскошная и живописная природа, вполне сравнима с греческой или итальянской, целебный воздух, плодородная земля – эти характеристики, вместе с постоянными рефлексиями на тему идеализации украинцев и их национального характера, стали постоянным пунктом в сентименталистских путевых очерках – и оригинальных, и стилизованных под чувствительное путешествие. Впрочем, топос прекрасной Малороссии встречается и в других жанровых разновидностях, в частности в сентименталистской повести – как, к примеру, в произведении Н. Мамышева «Злосчастный. Истинное происшествие» (1807), в котором нарратор восхищается природой украинского городка:

«Какие живописные места! – говорил я, вышед на ровной луг. – Счастливые здешние жители! Всякий ли час вы благодарите Бога за то, что живете в объятиях прелестной природы, щедро наделяющей вас дарами своими? Завидую участи вашей, если только привычка видеть всегда одинакие предметы не ослабила чувствительности вашей. Кто жил всегда в шумной столице, тот в восторге сердца готов целовать землю, на которой вы обитаете»²².

Звизняцковский назвал «романтической игрой» попытку Гоголя изменить устоявшиеся литературные стереотипы в русской литературе посредством *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и *Миргорода*²³ – но, как представляется, эти сборники стали успешной попыткой заменить распространенные утопии об Украине собственным утопическим проектом, который в трех упомянутых выше повестях превратился в настоящую пасторальную дистопию (произошла, кстати, и смена парадигм – с сентименталистской на романтическую).

Во многих сюжетах известных травелогов Измайлова, Шаликова, Левшина 1800–1810-х годов был использован топос гостевания русского путешественника в доме дворянского или крестьянского малороссийского семейства, в ко-

²¹ Т.В. Чухліб. *Козацьке коріння Миколи Гоголя*. Київ: Наш час, 2013.

²² Н. Мамышев. *Злосчастный. Истинное происшествие*. [В:] *Русская сентиментальная повесть*. Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова. Москва: Издательство Московского университета, 1979, с. 267.

²³ В.Я. Звизняцковский. *Николай Гоголь. Тайны национальной души*. Киев: Ликей, 1994, с. 58–59.

тором царят семейная гармония, взаимоуважение, любовь и счастье²⁴. Гоголь, вероятно, был знаком с этим и другими текстами упомянутых выше авторов, в которых гостеприимные жители богатой и щедрой Малороссии-Аркадии так похожи на образы беззаботных пастухов из древнегреческих буколик (как известно, буколическая поэзия была распространена в русской литературе второй половины XVIII века и оказала известное влияние на травелоги и сентименталистскую литературу). В повести Гоголя также представлен топос гостевания у хлебосольных супругов, но в инверсированном виде: застолье превращается в настоящий праздник живота, благородный пир – в неудержимое поедание дарованных благодатной и щедрой землей Украины плодов и нескончаемую дегустацию алкогольных напитков. При этом проявляется эксцентричность хозяев в ведении хозяйства, проведении свободного времени, приеме гостей и т.п. Борис Ланин среди основных жанровых признаков антиутопий выделяет именно эксцентричность главных героев²⁵. Как и древнегреческие прототипы, Товстогубы очень рады гостям и пытаются им всячески угодить – однако кроме еды и разговоров о способах приготовления тех или иных кушаний им нечего предложить. Автор умышленно перечисляет многочисленные блюда и напитки, которые в гротескно огромных масштабах выставляются на стол (не провести параллели с такой же огромной кулинарной номенклатурой бурлескно-трагедийной поэмы *Энеида* полтавского земляка Гоголя И. Котляревского невозможно – настолько это сходство очевидно, недаром Юрий Манн назвал повесть настоящей ироикомической поэмой еды и поглощения пищи²⁶). Хозяева проводят дни и ночи, заботясь о приготовлении блюд, умножении пищи, постоянно потребляя ее в неизмеримом количестве. Все в их доме вертится вокруг снеди, которая, в авторской интерпретации, является не благом, дарованным Богом, а скорее проклятием:

«Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, засушивалось такое множество, что, вероятно, они потопили бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх рассчитанного на потребление любила готовить еще на запас, если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы свои»²⁷.

Михаил Бахтин почему-то в таком бешеном и заикленном на один результат жизненном ритме не увидел напряженного труда («Достаточно вспомнить такую идиллию, как *Старосветские помещики* Гоголя, труд здесь вовсе отсутствует, зато остальные члены соседства представлены довольно полно (неко-

²⁴ В.С. Киселев, Т.А. Васильева. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин). «Имагология и компаративистика» 2015. № 2, с. 29. [Online:] <<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000521216>> (10.08.2017).

²⁵ Б.А. Ланин. *Анатомия литературной антиутопии*. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 156.

²⁶ Ю.В. Манн. *Творчество Гоголя: смысл и форма*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007, с. 139.

²⁷ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 10.

торые – в крайне сублимированном виде) – старость, любовь, еда, смерть; еда, занимающая здесь очень большое место, дана в чисто бытовом плане (так как нет трудового момента)²⁸) – но в повести труд присутствует, он даже является интенсивным. Заключается он, как уже говорилось, в постоянном приготовлении и потреблении блюд и напитков – это не идиллическое сочетание жизни человека с трудом на земле, а сознательное принесение жизни в жертву культуре пищи.

Хуторская Малороссия кажется изолированной от былой истории, от славных битв, описанных в *Тарасе Бульбе* – старосветские помещики, как и мифические Филемон и Бавкида, становятся на старость лет жрецами культа, проводя каждый день свои ритуалы употребления блюд и пользуясь обычными словесными формулами – сакральными гимнами во славу пище (все разговоры сводятся к беседам, что съесть или выпить – не более). Поэтому помещики практически не занимаются своим хозяйством, их не волнует очевидная вороватость слуг, кучеров, лакеев и даже гостей – пока в погребах есть в достаточном количестве еда, до тех пор все остальное их не интересует. Пульхерия Ивановна заботится только о заполнении помещичьих амбаров. В поместье мы видим малороссийский рай, жителям которого Бог способствует во всем. Еда дает им все – цель жизни, осознание себя, и пища даже способна зачать новую жизнь (Пульхерия Ивановна, к своему недоумению, постоянно обнаруживает беременность дворовых девок – зачатие детей, шутливо намекает Гоголь, имеет якобы «непорочное» происхождение от постоянного переедания молодых служанок²⁹). Но появление новой жизни (вообще, для автора это настолько повторяющийся пустяк, что после него он в одном абзаце упоминает о громадном количестве мух в доме), приезд гостей и преувеличенные слухи о новой войне с Наполеоном не нарушают целостности хронотопа поместья. Время здесь, как и в любой другой антиутопии, застыло, антиутопическое пространство ограничено – жизнь успешно самозарождается в дворовых девках, ведь бездонное чрево помещичьих амбаров способно насытить всех. Даже смерть не приходит сама и внезапно – ее хозяева заставляют прийти к себе, заранее подготовившись к переходу из своего рая. Профанация полноценной жизни завершается добровольным переходом Пульхерии Ивановны в лучший мир – но и после смерти спутницы она ассоциируется у мужа с определенной пищей.

Повесть как дистопия демонстрирует четкий разрыв со славной прежней историей украинских казаков – она выразительно представляет повседневную хуторскую жизнь как противоположность подвигам минувших дней. Когда Афанасий Иванович в шутку решает идти на вероятную войну, жена раздражительно напоминает, что его пистолы уже давно заржавели и лежат в кладовке: теперь хозяин не похож на бывшего храброго компанийца, который бесстрашно похитил свою избранницу. В упоминании о заржавевших пистолях Юрий Барабаш даже усматривает основания мотива национальной самокритики, который будет обстоятельно реализован позже в творчестве поэта Тараса Шев-

²⁸ М.М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 475.

²⁹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 10.

ченко – упрек правнукам, которые променяли казацкую героиню и величие на дремотное старосветское прозябание³⁰. То, что Гоголь вспоминает о компанийском прошлом добросердечного старика, также является важным – ведь молодой Афанасий Иванович служил наемником в так называемых охотничьих полках – последних казацких милитаристских формированиях. Кстати, писатель четко указывает возраст бывшего компанийца – 60 лет. В разговоре с гостем упоминается о возможности новой войны с армией Наполеона, скорее всего, события происходят в 1815 году³¹. Если же руководствоваться этой авторской хронологией, то она свидетельствует о том, что пребывание Афанасия Товстогуба в компаниях было весьма непродолжительным, и основную карьеру он сделал в Российской имперской армии.

Интересно сопоставить возраст главного героя повести с возрастом Тараса Бульбы: как известно, хронология повести *Тарас Бульба* является очень условной и не имеет ничего общего с настоящими историческими событиями (например, выдуманная автором осада казацкими войсками волынского города Дубно). Гоголь показывает три основных исторических маркера, которые должны дать внимательному читателю представление о почтенном возрасте храброго казака: из текста узнаем, что «это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век и притом на полукочующем востоке Европы, во время правого и неправого понятия о землях, сделавшихся каким-то спорным, нерешенным владением, к каким принадлежала тогда Украина»³²; при реформировании казацкого войска польским королем Стефаном Баторием в 1578 году (кстати, это также неподтвержденные исторически данные) Бульбу избрали одним из первых полковников³³; Тарас Бульба активно участвует в казацком восстании 1633 года под руководством гетмана Якова Искры-Остриянина (Острияницы), во время которого героически погибает³⁴. Таким образом, относительная хронология в *Тарасе Бульбе* приписывает главному герою возраст не менее чем 140–150 лет. Но напомним, в 60 лет Афанасий Товстогуб – уже старый человек, который почти не выезжает за пределы своего поместья, его нелегко представить в роли неистового и желающего кровавых битв с неприятелем полковника Бульбы, который, как помним, раздражительно возглашает свою знаменитую речь об основном назначении украинского казака:

«— ... Какого дьявола мне здесь ожидать? Что, я должен разве смотреть за хлебом да за свинарнями? Или бабиться с женою? Чтоб она пропала! Чтоб я для ней оставался дома? Я козак. Я не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-Богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился и наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать.

³⁰ Ю. Барабаш. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. Харків: Акта, 2001, с. 27.

³¹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 445.

³² Там же, с. 28.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 75.

Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? к чему нам все это? на что эти горшки? — При этом Бульба начал колотить и швырять горшки и фляжки»³⁵.

Компанийские полки были частным (охотничьим) конным войском, дозволенным украинским гетманам, согласно Глуховским статьям 1669 года, наряду с разрешением иметь в подчинении личную пехоту – сердюцкие полки. Охотничье войско было феноменальным явлением, которое появилось как ответвление регулярного казачества, но, несмотря на свой наемный характер, в отличие от западноевропейских аналогов, всегда набиралось из числа украинцев. Эта легкая кавалерия несла сторожевую и разведывательную службу на южной и западной границах империи, а после реформы в начале XVIII века превратилась в придворную гетманскую гвардию. После закрепления Екатериной II права имперского правительства определять количество и принципы функционирования компанийцев, с 1726 года их стали набирать по наследственному, а не наемному принципу, который предусматривал получение определенных имущественных и социальных привилегий³⁶. Поэтому можно с уверенностью предположить, что отец Афанасия Товстогуба также был в свое время компанийцем. После разрушения Запорожской Сечи компанийские полки были вновь преобразованы – из компанийцев сформировали в 1775 году регулярные легкоконные полки, которые включились в единую структуру Российской имперской армии³⁷.

Афанасий Иванович совсем не похож на бывшего казака – он даже не любит вспоминать время наемничества (нарратор язвительно предполагает, что это юношеское время он мог и попросту забыть³⁸). Не упоминает он и дальнейшую службу в имперской армии, где Товстогуб дослужился до должности секунд-майора (на момент написания повести этот штаб-офицерский чин уже был анахронизмом – отменен после военной реформы 1797 года³⁹). Гоголевед Владимир Шенрок (как, впрочем, и другие) обоснованно подтверждает, что прототипом образа Афанасия Ивановича послужил дед автора – Опанас Демьянович Гоголь-Яновский (кстати, имя Опанас – украинская народная форма для канонического имени Афанасий), а для описания поместья помещиков – семейный хутор Васильевка. Опанас Гоголь, выпускник Могилянской академии и одаренный полиглот, начинал свою карьеру в должности переводчика в Генеральной военной канцелярии последнего гетмана Кирилла Разумовского в 1757 году. Дед Гоголя принимал участие в Крымском походе 1770 года, через десять лет получил почетное звание бунчукового товарища (приравнивалось по значимости к полковнику) и уже в 1782 году возглавил канцелярию Миргородского полка.

³⁵ Там же, с. 28.

³⁶ О. Сокирко. *Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр.* Київ: Темпора, 2006, с. 122.

³⁷ В.В. Станіславський. *Компанійські полки.* [В:] *Енциклопедія історії України.* Т. 4: *Ка-Ком.* Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2007. [Online:] <http://www.history.org.ua/?termin=Kompaniyski_polky> (10.08.2017).

³⁸ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 8.

³⁹ Л.Е. Шепелев. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи.* Москва: Наука, 1991, с. 81.

В 1792 году он получает грамоту на дворянство – с того времени и по 1798 год служит секунд-майором Российской имперской армии⁴⁰. Фамилия жены Опанаса Гоголя-Яновского – Лизогуб (которую, по семейным преданиям Гоголей, немолодой канцелярист также похитил у родителей) перекликается с фамилией старосветских помещиков – Товстогуб. Как видим, Гоголь специально не вводит в текст бесспорно известные ему факты из жизни и карьерного роста деда и даже умышленно преуменьшает его героизм, умалчивая об участии в военных походах, не упоминая его хорошее образование и переводческий талант. Товстогуб, в отличие от главного героя следующей повести в сборнике *Миргород* – Тараса Бульбы, не был казаком в полном смысле слова, завершив свою службу в рядах Российской императорской армии. Дворянство Товстогуб несомненно получил при правлении Екатерины II, ведь бывшие чиновники Гетманщины, которые продолжили службу после ее отмены, получали соответствующие грамоты автоматически и зачислялись в привилегированные наследственные слои Российской империи⁴¹. Поэтому казацкое прошлое старого дворянина в первые десятилетия XVIII века является лишним, вследствие чего писатель ограничивается скупой ремаркой о службе Товстогуба в компаниях. Современность заступает здесь прошлое, а забвению казацкого прошлого способствует и поразительно слабая память Афанасия Ивановича – этот факт может символизировать и национальную амнезию потомков казаков уровня Тараса Бульбы.

Интерьер дома старосветских помещиков также указывает на новые реалии помещичьих семей, которые отдаляются от казацких корней, – картины с изображением «какого-то» архиерея, российского императора Петра III, герцогини Луизы-Франсуазы де ла Вальер (монахиня Луиза Милосердная) и большое количество лубочных картин⁴². Владимир Денисов в этой тройке портретов увидел мотив служения храму, в который превращают свою квартиру помещики – архиерей является представителем черного монашества, Петру III якобы должен был присягать на верность секунд-майор Товстогуб, портрет бывшей фаворитки Людовика XIV, которая ушла в монастырь после издевательств короля, также связан со служением Богу⁴³. Но сравнивать эти портреты со своеобразными иконами не совсем правильно: архиерей изображен «какой-то», а портрет Луизы Милосердной в «узеньких рамах» запачкан мухами – то есть ее святость и благочестие также комично «сужено». В повести Гоголя речь идет о едином императорском портрете Петра III художника Алексея Антропова. Как отмечают искусствоведы, художник добросовестно передал все особенности неприглядной внешности императора, и поэтому современники могли убедиться в уродстве Петра III. Этот портрет должен гармонировать с унизительно загрязненным портретом Луизы Милосердной:

⁴⁰ Т.В. Чухліб. *Козацьке коріння Миколи Гоголя...*, с. 52–61.

⁴¹ З. Когут. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830*. Київ: Основи, 1996, с. 209.

⁴² Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 9.

⁴³ В.Д. Денисов. *Историческая проза Гоголя*. [В:] Н. В. Гоголь. *Миргород...*, с. 401.

«Петр III дан в кокетливой позе, но здесь она резко противоречит его уродству, которое Антропов не может, да и не пытается скрыть. Он откровенно показывает императора жалким дегенератом; до смешного маленькая головка его несоразмерна с длинным телом и непомерно длинными, рахитичными ногами, живот вздут; на лице – подобие гримасы. Этот почти гротескный портрет не является, конечно, сознательной сатирой; она была бы слишком рискованной в портрете императора. Портрет следует считать образцом предельной честности художника-реалиста»⁴⁴.

Если Товстогуб и присягал на верность Петру III как товарищ в период полугодового правления императора (5 января 1762 – 9 июля 1762 гг.), то он, безусловно, знал, что последний гетман Кирилл Разумовский был среди наиболее активных участников увенчавшегося успехом мятежа против правительства – к власти пришла жена свергнутого правителя Екатерина II. Именно Екатерина II отменит Гетманщину и окончательно уничтожит остатки бывшей казачьей республики в июне 1775 года. Как видим, портрет свергнутого императора можно рассматривать и как некий косвенный вызов государственной политике императрицы.

Старинная казацкая семья символизирует упадок ядра нации – казацкого старшинства – в целом. В семье Товстогубов живут только сегодняшним днем, не размышляют о будущем, пытаются забыть славную прошлую историю. При отбрасывании духовной опоры даже незначительный случай способен разрушить псевдоидиллию. И внешние силы так разрушают с виду устойчивый закрытый мир поместья. Это случайные и хаотические примеры случая: то дикие коты решают судьбу Пульхерии Ивановны, то никому не известный дальний родственник приводит к полному упадку унаследованную деревню. Когда любимая кошечка Пульхерии Ивановны, проголодавшись, возвращается после своего бегства с дикими котами, хозяйка получает удовольствие от созерцания того, как животное уплетает еду. Но дальнейшее внезапное бегство кошечки из дома разрушает гармоничность этого момента – животное неожиданно меняет сытую жизнь на романтические свободу и любовь, как шутит автор⁴⁵. Пульхерия Ивановна убеждает себя в том, что это не кошечка приходила, а смерть – не могла же ее любимица так наивно променять сытую жизнь на неуверенность обитания диких котов. Еда окажется бессильной перед желанием смерти – Афанасий Иванович предлагает Пульхерии Ивановне на смертном одре съесть что-нибудь, наивно надеясь на целебное действие блюда. Ведь когда у него что-то болело ночью, то лечилось это непременно выпитым кислым молоком или компотом с грушами. Бесцельное существование супружеской пары завершается исчезновением камерного мира деревни в безвременьи провинциальной и полностью колонизированной Малороссии. Как заметила Тамара Гундорова, закрепление колониального статуса Украины началось еще в *Вечерах...*, где Го-

⁴⁴ Н.П. Ледовских. *Портрет Петра III. Антропов Алексей Петрович*. [В:] Н.П. Ледовских. *Мировая художественная культура: Отечественная художественная культура*. [Online:] <http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/Pictures/Pict_48_104.html> (10.08.2017).

⁴⁵ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 18.

голь также пытается описать Украину в статусе покоренного и приспособленного Другого в структуре имперской культуры⁴⁶. В *Миргороде* и в *Старосветских помещиках* в частности этот проект будет продолжен через синтез российской и украинской истории.

Нарратор, анализируя страдания Афанасия Товстогуба после смерти спутницы жизни, приводит известный ему случай ужасных терзаний знакомого после смерти любимой: вслед за двумя неудачными попытками суицида молодой мужчина снова женится и наслаждается жизнью. Этот введенный в текст повествования случай противопоставляется тому горю, которое переживает безутешный старый помещик в течение пяти лет. Автор с грустью и болью осуждает душевное поражение Афанасия Ивановича, которое является для него проявлением не страсти или любви, а длительной привычки⁴⁷.

Со смертью старосветских помещиков (умышленно не одновременной, в отличие от сюжета древнегреческого мифа) упадок хозяйства только ускоряется – это крах иллюзорно прибыльного и образцового хозяйства казацкой старшины, которая получила дворянские права в Российской империи и полностью интегрировалась в имперские высшие круги (иногда, как Товстогубы, на своем провинциальном уровне). Напомним, что соблюдение старосветских обычаев понималось дворянами как приготовление блюд староукраинской кухни – это сведение обрядов казачества к повседневному ритуалу приготовления и поглощения пищи. Антиутопическое общество не может не жить по запрограммированным схемам⁴⁸, поэтому все жители поместья Товстогубов живут ритуализированной жизнью. Окончательным и финальным этапом упадка поместья Товстогубов станут «реформы» дальнего родственника, который унаследовал село. Ритуалы прозябания сменяются другими – поручик в отставке теперь изображает крупного хозяйственника, разъезжая по малороссийским ярмаркам, но покупая «всё то, что не превышает всем оптом своим цены одного рубля»⁴⁹.

Подобный декаданс былого могущества гетманских чиновников мы видим в романе-семейной хронике *Пан Халевский* другого украинского писателя Григория Квитки-Основьяненко (1839), который был опубликован через четыре года после *Старосветских помещиков*. В романе Квитки-Основьяненко большое место занимают подробные описания гомерических пиров козацкой старшины времен Гетманщины. В письме к Петру Плетневу Квитка-Основьяненко на соответствующий упрек литературных критиков объясняет, что «повторение кушаньев в „Халевском“ может быть, необходимо. Понимают ли они, что это желание описать прежний быт, а форма – чтобы избежать сухости. Все прохождение времени было в еде, в коей истончались до разнообразия. Время для

⁴⁶ Гундорова Т. *Кітч і Література. Травестії*. Київ: Факт, 2008, с. 119.

⁴⁷ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 22.

⁴⁸ Б.А. Ланин. *Анатомія літературної антиутопії*. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 157.

⁴⁹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 24.

горячих, молочных, холодных мяс, на все было свое время. Мне казалось необходимым выразить в подробности, что ели, когда и как»⁵⁰.

Таким образом, повесть *Старосветские помещики* Гоголя является образом завершенной эпохи казачества и создания новой – тотальной интеграции малороссийских дворян в «тело» Российской империи. То, как эта интеграция приводит к фатальным последствиям потери исторической памяти, духовной и национальной идентичности, писатель демонстрирует в своей дистопии – он фактически высмеивает пасторальный образ благодатной и щедрой Украины, сложившийся в российских травелогах первых десятилетий XIX века. Как верно замечает Слюсарь, в *Старосветских помещиках* патриархально-идиллический уклад изживает себя окончательно, хотя он овеян поэзией природы, но бессодержателен и обречен на гибель⁵¹. И если в дистопиях XX века изображены «идеальные» государства, то в *Старосветских помещиках* видим «идеальное» помещичье хозяйство, которое отказалось от соблюдения памяти казацкого рода, – своеобразную гоголевскую цибустопию (лат. *cibus* – пища). Гоголь не предлагает выхода из ситуации разрушения последних старосветских хозяйств, но, как и другие авторы антиутопий, вводит дидактическое начало в текст, завершая повесть намеком на мрачный упадок и исчезновение последних старинных казацких родов.

Литература

- [Ботвинник М.]. *Филемон и Бавкида*. [В:] *Мифологический словарь*. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва: Сов. энциклопедия, 1990, с. 573.
- Барабаш Ю. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. *Порівняльно-типологічні студії*. Харків: Акта, 2001.
- Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* [В:] Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. Москва: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3: «Теория романа» (1930–1961). 2012, с. 340–511.
- Виноградов В. В. *Н. В. Гоголь*. [В:] Виноградов В. В. *Поэтика русской литературы: Избранные труды*. Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. Москва: Наука, 1976, с. 190–376.
- Виролайнен М. *Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя)*. [В:] Виролайнен М. *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*. Санкт-Петербург: Амфора, 2003, с. 312–330.
- Гиппиус В. *Гоголь*. [В:] Гиппиус В. *Гоголь*; Зеньковский В. Н. В. *Гоголь*. Предисл. и сост. Л. Аллена. Санкт-Петербург: Logos, 1994, с. 10–188.
- Гоголь Н.В. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013.
- Гольденберг А. Х. *Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография*. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007.
- Гундорова Т. *Кітч і Література. Травестії*. Київ: Факт, 2008.

⁵⁰ Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. [Лист] до П. О. Плетньова. 29 ноября [1]839. [В:] Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. *Зібрання творів*. Т. 7. Київ: Наукова думка, 1981, с. 237.

⁵¹ А.А. Слюсарь. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя*. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 20.

- Денисов В.Д. *Историческая проза Гоголя*. [В:] Гоголь Н. В. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В. М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 251–411.
- Дмитриев И.И. *Филемон и Бавкида. Вольный перевод из Лафонтена*. [В:] Дмитриев И.И. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1967, с. 150–153.
- Есаулов И.А. *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
- Жилякова Э. М. *Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849)*. Томск: Издательство Томского университета, 1989.
- Звизняцкий В.Я. *Николай Гоголь. Тайны национальной души*. Киев: Ликей, 1994.
- Квітка-Основ'яненко Г.Ф. [Лист] до П.О. Плетньова. 29 ноября [1]839. [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Зібрання творів: В 7 т.* Київ: Наукова думка, 1978–1981. Т. 7. 1981, с. 236–238.
- Киселев В.С., Васильева Т.А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин). «Имагология и компаративистика» 2015, № 2, с. 20–42. [Online:] <<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000521216>> (10.08.2017).
- Когут З. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760-1830*. Київ: Основи, 1996.
- Котляревский Н.А. *Николай Васильевич Гоголь, 1829–1842 : Очерк из истории русской повести и драмы Нестора Котляревского*. 2-е испр. изд. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908.
- Ланин Б.А. *Анатомия литературной антиутопии. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 154–163.*
- Ледовских Н.П. *Портрет Петра III. Антропов Алексей Петрович*. [В:] Ледовских Н.П. *Мировая художественная культура: Отечественная художественная культура*. [Online:] <http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/Pictures/Pict_48_104.html> (10.08.2017).
- Лотман Ю.М. *Проблема художественного пространства в прозе Гоголя*. [В:] Лотман Ю.М. *Избранные статьи (в 3-х т.)*. Таллинн: Александр, 1993. Т. 1, с. 413–447.
- Мамышев Н. *Злосчастный. Истинное происшествие*. [В:] *Русская сентиментальная повесть*. Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова. Москва: Издательство Московского университета, 1979, с. 267–282.
- Манн Ю.В. *Творчество Гоголя: смысл и форма*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- Морсон Г. *Границы жанра*. [В:] *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1991, с. 233–251.
- Никольский С.В. *Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. *Гоголь в его произведениях: К столетию рожд. великого писателя. 1809–1909*. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1909.
- Пушкин А.С. *Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли*. [Рецензия]. [В:] Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 7: *Критика и публицистика*. Ленинград: Наука, 1978, с. 237.
- Слюсарь А.А. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 18–27.*
- Сокирко О. *Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр.* Київ: Темпора, 2006.

- Станіславський В.В. *Компанійські полки*. [В:] *Енциклопедія історії України: Т. 4: Ка-Ком*. Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2007. [Online:] <http://www.history.org.ua/?termin=Компанійські_полки> (10.08.2017).
- Филенко О. «*Покоряя пространство и время...*» (Роман Е.И. Замятина «*Мы*» и его роль в становлении жанра антиутопии). «Русский язык и литература в учебных заведениях» 2004, № 2, с. 38–51.
- Чухліб Т.В. *Козацьке коріння Миколи Гоголя*. Київ: Наш час, 2013.
- Шепелев Л.Е. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи*. Москва: Наука, 1991.